

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-3/59-70

Научная статья

© В. В. Медведев, М. В. Попов

ПОНЯТИЕ «ДОМЕСТИКАЦИЯ» И КОНСТРУИРОВАНИЕ ДОМЕСТИЦИРОВАННОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЭТНОГРАФИИ ЧУВАШЕЙ)

Статья посвящена концепту «доместикации» применительно к пространству. Авторы интерпретируют доместикацию как процесс комплексного освоения и преобразования человеком окружающей среды, в результате которого создается «доместицированное пространство», т. е. сфера жизнедеятельности, сочетающая утилитарные и сакральные аспекты. Понятие «доместицированное пространство» анализируется в контексте смежных категорий, таких как «среда обитания», «культурный ландшафт», «антропогенный ландшафт». В статье подчеркивается его социальный характер, включающий искусственно созданные объекты: поселения, жилища, хозяйственные и культово-ритуальные постройки и другие локусы. Это пространство структурировано и имеет определённые границы, отделяющие освоенное «своё», от неосвоенное «чужого». На примере этнографии чувашей рассмотрена иерархическая модель освоения пространства. Её центром является жилище с сакральными зонами, затем включаются двор, улица, всё поселение и окружающие угодия. Степень доместикации ослабевает по мере удаления от центра. Особое внимание уделяется амбивалентности некоторых локусов: кладбища и святилища одновременно находятся и внутри, и вне доместицированного пространства, выполняя роль медиаторов между мирами. В статье также охарактеризованы символические практики доместикации — ритуалы и маркировка границ, наделяющие пространство защитными и смысловыми функциями. Доместицированное пространство у чувашей представляет собой динамическую систему, формируемую повседневной хозяйственной деятельностью, духовными воззрениями и культурными практиками. Это

Медведев Владислав Валентинович — д. и. н., доцент, старший научный сотрудник центра этноистории, Институт истории и археологии, Уральское отделение РАН (Российская Федерация, 620108 Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16); доцент кафедры социально-гуманитарного образования, Сургутский государственный педагогический университет (Российская Федерация, 628400 Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2). Эл. почта: vlad.etno@mail.ru SPIN-код: 1413-7014 ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4789-7604>

Попов Максим Васильевич — к. и. н., доцент кафедры всеобщей истории, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (Российская Федерация, 455000 Магнитогорск, пр. Ленина, 38). Эл. почта: maxim_popov@hotmail.com SPIN-код: 7583-0732 ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6923-4986>

*Исследование выполнено за счет средств субсидии на финансовое обеспечение выполнения гос. задания ИИиА УрО РАН; тема «Культурное пространство Урала: археологические и этнологические исследования», рег. номер 124032100052-6.

процесс постоянного освоения, адаптации к ландшафту и создания не только материальной, но и символической среды, обеспечивающей культурную идентичность и безопасность сообщества. Концепт доместикизации демонстрирует глубокую взаимосвязь между материализованной культурой, религиозными представлениями и организацией жизненного пространства.

Ключевые слова: доместикизация, доместицированное пространство, традиционная культура, этнография чувашей, поселение, жилище

Ссылка при цитировании: Медведев В. В., Попов М. В. Понятие «доместикизация» и конструирование доместицированного пространства (на примере этнографии чувашей) // Вестник антропологии. 2026. № 3. С. 59–70.

UDC: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-3/59-70

Original article

© Vladislav Medvedev, and Maxim Popov

THE CONCEPT OF “DOMESTICATION” AND THE MAKING OF DOMESTICATED SPACE (EVIDENCE FROM CHUVASH ETHNOGRAPHY)

The article explores the concept of “domestication” in relation to space. The authors interpret domestication as a process of complex development and transformation of the environment by humans, which results in the creation of a “domesticated space”, i. e. a sphere of life that combines utilitarian and sacred aspects. The concept of “domesticated space” is analyzed in the context of related categories, such as “habitat”, “cultural landscape”, and “anthropogenic landscape”. The article emphasizes its social nature, including artificially created objects such as settlements, dwellings, economic and cult-ritual buildings and other loci. This space is structured and has certain boundaries separating the developed “own” from the undeveloped “alien”. The paper considers a hierarchical model of space development, using the ethnography of the Chuvash as an example. Its center is the dwelling with its sacred zones, then come the yard, the street, the entire settlement and the surrounding lands. The degree of domestication weakens with distance from the center. Particular attention is paid to the ambivalence of some loci: cemeteries and sanctuaries are simultaneously located both inside and outside the domesticated space, acting as mediators between the worlds. The article also characterizes the symbolic practices of domestication, such as rituals and the marking of boundaries that endow the space with protective and semantic functions. The domesticated space of the Chuvash is a dynamic system formed through everyday economic activity, spiritual views and cultural practices. This is a process of constant development, adaptation to the landscape and creation of not only a material but also a symbolic environment that ensures the cultural identity and security of the community. The concept of domestication demonstrates the deep interconnection between material culture, religious beliefs and the organization of living space.

Keywords: domestication, domesticated space, traditional culture, ethnography of the Chuvash, settlement, dwelling

Authors Info: Medvedev, Vladislav V. — Doctor of History, Associate Professor, Senior Research Fellow at the Center for Ethnohistory, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation); Associate Professor at the Social and Humanities Study Department, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation). E-mail: vlad.etno@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4789-7604>

Popov, Maxim V. — Ph.D. in History, Associate Professor at the Department of General History, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: maxim_popov@hotmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6923-4986>

For citation: Medvedev, V. V., and M. V. Popov. 2026. The Concept of “Domestication” and the Making of Domesticated Space (Evidence from Chuvash Ethnography). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 59–70.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Project No 124032100052-6.

Введение

Понятие «доместикация» предполагает не только приручение диких животных и растений, но и преобразование окружающей среды в удобные для людей формы, создание особого одомашненного, освоенного и используемого в повседневной жизни пространства. Интерпретация понятия «доместицированное пространство» позволяет провести параллели с такими определениями как «природная среда», «среда обитания», «жилая среда» и «окружающая среда», которые следует воспринимать как совокупность природной и культурной, т. е. культивированной территории. В таком контексте процесс адаптации человека к среде близок концепции культурной экологии Дж. Стьюарда (*Резник* 2012: 213). Социальный характер подобной среды, как подчёркивает Н. А. Томилов, предполагает совокупность искусственно созданных человеком объектов, в том числе планирование и структуру поселений, жилищ, хозяйственных и культово-ритуальных локусов и построек (*Томилов* 2016: 90). Среда воздействует на эти объекты, приводя их в динамичное состояние, через единство природно-географических, социально-экономических и культурно-бытовых факторов (*Фишман* 1989: 148–149). Такого рода понимание среды, предполагающее профанное и сакральное освоение территории с установлением соответствующих границ, отчасти можно соотнести и с осмыслением доместикации пространства (*Содномпилова* 2011: 33; *Чудова, Чудов* 2013: 32).

Доместицированное пространство как понятие также может быть сопоставлено с категориями «культурный ландшафт» и «антропогенный ландшафт». Мы полагаем, что содержание понятия «доместицированное пространство» наиболее близко трактовке термина «антропогенный ландшафт» (*Мильков* 1973: 25, 45), что убедительно продемонстрировано О. Б. Степановой на этнографическом материале северных селькупов и свидетельств воздействия человека в бассейнах рек Таз и Турухан (*Степанова* 2018б: 16–28). Рассуждения о подобном типе ландшафта являются обоснованными и могут быть приняты научным сообществом (*Степанова* 2018а: 423).

Вместе с тем, несмотря на вариативность понятий среды и ландшафта, они в первую очередь конкретизируют повседневную деятельность человека на определённой

территории, а domestикация характеризует пространство не только в профанном, но и в сакральном восприятии. Неслучайно по отношению к domestикации пространства предложена интерпретация, предполагающая процесс познания и созидательного преобразования человеком окружающей действительности (Казакова 2023: 47).

Содержание понятия «доместицированное пространство»

Доместицированное пространство, безусловно, составляет часть традиционной, т. е. устойчивой, культуры. Неслучайно точка зрения Андре Леруа-Гурана, впервые обозначившего вопрос о domestикации как об «очеловечении» пространства в качестве начального этапа в познании человеком мира, была поддержана С. А. Токаревым и распространена непосредственно по отношению к жилищу (Токарев 1970: 12; *Leroi-Gourhan* 1965: 285).

Определение «доместицированное пространство» может быть интерпретировано как в прямом, так и в символическом смысле. Прямое domestичивание охватывает такие объекты, как дом, клеть и хлев, в то время как символическое domestичивание распространяется на периодически посещаемые святилища и кладбища, где пространственная организация приобретает сакральное значение и становится неотъемлемой частью культурной идентичности сообщества. Жилище следует рассматривать как ключевой элемент domestичиванного пространства, где каждое его измерение обладает особым символическим значением. В рамках такого контекста внутреннее пространство жилища характеризуется наличием сакральных зон, играющих важную роль в ритуальной и повседневной жизни обитателей. Одним из центральных и наиболее значимых объектов внутри жилища является столб, расположенный в углу печи. Этот элемент обладает многогранной символикой и выполняет функции, выходящие за рамки утилитарного назначения. По мере удаления объектов от центра, т. е. жилища, степень domestикации снижается. Например, клеть и амбар, расположенные вблизи дома, являются domestичиванным пространством в непосредственном смысле и имеют в этом отношении более высокий статус, чем не скажешь об общесельских святилищах и кладбищах.

Принципиальный дискурс о проблеме domestикации пространства раскрывает сюжет, связанный с границами и пространственными маркерами. Где и как определяются эти границы? Могут ли они быть вариативными? В этом контексте интересно мнение С. Ю. Хачатрян (Капышкиной) о ситуативном расширении domestичиванного пространства и наличии двух типов локусов: «статичных» (жилище, поселение) и «подвижных» (обрядовое пространство, культово-ритуальные объекты и земельные наделы). Например, новые территории и участки у чувашей могут быть отнесены ко второму типу во время земледельческих работ в поле, занятии пчеловодством и выездах на временную пасеку или выступая в качестве места сбора сельской молодежи. По завершению конкретного вида деятельности прежние границы возвращаются в исходное положение (Хачатрян (Капышкина) 2002: 197). Такое мнение является оригинальным, но можно предложить и иной подход к domestикации пространства, а именно — сосуществование разных уровней воссозданного (окультуренного) человеком пространства для решения разных потребностей. В таком случае необходимо характеризовать не только созданные человеком объекты, но и земельные участки и территории, которые сельчане использовали в соответствии со своими материальными потребностями и духовными воззрениями.

Обустройство и мифологическое осознание пространства является типичным сюжетом в народной культуре и традиционной обрядности земледельческих народов Урало-Поволжья. Модель освоения пространства предполагает следующую структуру: жилище и его центральный объект в виде столба у печи → следующий уровень представления — двор, где центральной фигурой является уже непосредственно жилище → далее следует пространство поселения, где в качестве центра могут выступать перекрестки улиц как место взаимодействия односельчан или конкретный религиозный объект → далее вокруг поселения будут концентрироваться сопредельные земельные участки — поля, пастбища, пасеки, карьеры по добыче природного камня и глины, лесные массивы и водоемы, т. е. все востребованные сельчанами земельные угодья и ресурсы, прилегающие к поселению и непременно используемые. Только при таком условии их можно характеризовать как пространство, подвергнутое доместикации.

Пространство и объекты могут выступать по отношению к человеку амбивалентными и являться доместицированными и недоместицированными. В исследовании П. А. Орлова о вещном мире удмуртов анализируются доместицированные, т. е. упорядоченные, объекты и территории (Орлов 1999: 215). В работе изучается множество примеров из повседневности удмуртского народа. Так, понятие «угол дома» в представлении удмуртов имеет характер ограниченного, замкнутого, а потому своего (освоенного) пространства. Также можно привести и другие работы, которые так или иначе относятся к ряду исследований о доместицированном пространстве (Оформление границ 2025). Например, А. В. Головин в своей книге о народах Северо-Западной Сибири пишет об особом характере угорского дома (Головин 1995: 274–275), а исследователи традиционной культуры алтайцев считают загон для животных местом, подлежащим доместикации (Тюхтенева 2011: 117).

В категорию недоместицированного пространства и недоместицированных объектов включают территории и объекты, которые не подвергались освоению и интеграции. Таковыми как правило выступают леса, поля, реки, озера, овраги и ряд других объектов, размещающихся за границами поселений. Внимание следует уделить перекресткам дорог, которые, ввиду их сакрального символизма, представляют собой потенциально опасные зоны. К подобным локациям у чувашей необходимо отнести места обитания божества *Киремет*, располагавшиеся в стороне от поселений и деревенских дорог. Такие места находились от поселения на расстоянии от одной до пяти верст. Особенность места обитания *Киремет* заключается в том, что оно вынесено за пределы доместицированного пространства.

Пример двойственного состояния конкретного пространства демонстрируют сельские кладбища. Чуваше остерегались их как табуированного места, но находясь на этой территории имели возможность установить связь между миром живых и миром мертвых. Родственники, приходя на кладбище, могли через поминание связаться с умершими. С одной стороны, кладбище было местом, которое не было приспособлено для жизни, поэтому его избегали. С другой стороны, кладбище было создано человеком и соответствовало его культурным представлениям. Противопоставление доместицированного пространства недоместицированному столь же устойчиво в народном сознании, как и дихотомия «культура» и «природа», «домашнее» и «дикое» (Теребихин 2023: 290–309).

В рамках дискуссии «Дискурсы доместикации — 2» в журнале «Новое литературное обозрение» представлено авторское прочтение понятий «доместикация»

и «доместицированное пространство», где говорится о процессе и результатах не только буквального, но и символического приручения, заботы и использования, что гораздо шире, чем в традиционном смысле, который используется по отношению к этому понятию в естественных науках (Богданов 2017). В статье М. Шишкина-мл. говорится о доместикации загробной жизни, где дом представляет собой близкое и знакомое пространство, а смерть — чуждое и постороннее явление (Шишкин-мл. 2017). Участники дискуссии рассуждают о проблемах символической доместикации, изменении «стиля жизни» конкретных людей и социума в целом и других неоднозначных вопросах, требующих своевременных решений. Материалы публикаций подтверждают, что доместикация является ключевым фактором в возникновении и развитии цивилизаций. Она служит своеобразным ключом к пониманию истории человечества, объясняя, почему события развивались именно так, а не иначе, и как это повлияло на формирование современного мира (Бородин 2003).

В 2012 г. в издательстве Университета Торонто был опубликован научный сборник «The Domestic Space Reader», посвящённый интерпретации доместицированного пространства (Briganti, Mezei 2012). В статьях сборника на примерах разных народов проанализирована вариативность доместикации: доместицированная атмосфера (Corbin 2012: 105–107), смысл доместикации (Verschaffel 2012: 153–156), архитектура, гендерная проблематика и доместицированный эффект (репортаж из кухни) (Cieraad 2012: 236–237), сад как окказиональное доместицированное пространство (Alexander 2012: 268–272), отражение доместицированного пространства в детской литературе фэнтези (Thompson 2012: 367–370) и др. Можно согласиться, что сегодня понятие «доместикация» имеет достаточно широкую область распространения. Например, в культурных и медиаисследованиях используется формулировка «доместикация технологий». Словосочетание «внутренние (федеральные) и международные рейсы» на английском языке звучат как Domestic and International Flights. Иначе говоря, внутренние или федеральные авиарейсы (и авиакомпании) соотносятся с доместицированными объектами и пространством. Интерпретацией понятия «доместикация» в наши дни служит многообразие практик освоения и присвоения, адаптации и контроля (Богданов 2015). В данном контексте обращает на себя внимание подход к доместикации и доместицированному пространству В. П. Козырькова, рассуждающего об этом явлении крайне широко — от «доместикации обучения» до «доместикации компьютера» как электронной модели жилого пространства (Козырьков 2010).

Вещи и объекты не существуют вне пространства. Все они разворачиваются, распространяются и расширяются от центра к периферии (Топоров 1988: 340), т. е. от человека к внешнему миру. Следует также отметить, что понятия «пространство» и «объект» часто заменяют друг друга. Например, что собой представляет дом: пространство или объект? Следует признать, что и то и другое. Дом — объект, который следует планировать сообразно возможностям и построить, он же является пространством для проживания с множеством координат (придверная и передняя части, угол, женская часть и т. д.).

Этнографический комментарий

Доместицированное пространство в поселениях чувашей разделялось на единые хозяйства и общественную землю. Дворы, жилища, хозяйственные постройки совместно с земельными участками составляли личную территорию, принадлежавшую роду и семье. Поселения также имели места коллективного сбора жителей, культовые сооружения и общие постройки, отвечавшие нормам жизнедеятельности, мировоззрению, религии. К объектам, располагавшимся в общественном пространстве, принадлежат гумно, околица, кладбища, мосты, церкви, мельницы, кузницы, сельские амбары и магазины.

Традиционная празднично-обрядовая культура чувашей была неразрывна от доместицированного пространства сельской улицы, регулировавшей отношения и поведение односельчан. Жители одной улицы посещали своих родственников и соседей, собирали продукты, обсуждали новости и старались соответствовать поведенческим паттернам, основанных на традициях и моральных принципах чувашей (ПМА 2013).

Уличное пространство, двор и земельный надел, используемые в повседневных делах, воспринимались как освоенные и окультуренные территории, следовательно, безопасные и пригодные не только для профанных занятий, но и для сакральных действий. На этой территории, в постройках, возведённых здесь или вблизи них, разрешено совершать обрядовые практики и произносить слова молитвы.

Двор, будучи пространством со сложной символической нагрузкой, служил не только утилитарным, но и ритуальным центром, интегрированным в социокультурный контекст. В рамках данной парадигмы двор представлял собой микрокосм, где переплетались повседневные и ритуальные практики, формируя целостное восприятие окружающего мира и обеспечивая его сакральную легитимность.

Пространственная целостность двора, земельного участка и прилегающих территорий, интегрированных в повседневную и циклическую сельскохозяйственную деятельность, формировала базовую основу для процесса доместикации, осуществляемого семейной общностью. В результате этого данные локации воспринимались как освоенные и культивированные зоны, что обеспечивало их безопасность и пригодность не только для обыденных хозяйственных задач, но и для проведения сакральных ритуалов. На данной территории, в сооружениях, возведённых на ней или в непосредственной близости, разрешалось осуществлять обрядовые практики и произносить молитвы.

Ворота у чувашей, так же как и изгородь, символизировали рубеж. Они воспринимались как признак оседлого образа жизни и как пограничный периметр окультуренного семейного пространства. Линия «двор — улица» дополнялась различными условными знаками. Защитную функцию границы выполняла подкова, прибитая к воротам с уличной стороны. Для отпугивания злых духов на воротах, дверях и окнах чуваша размещали цветы чертополоха, причем ежегодно при цветении растения производилась их замена (ПМА 2018).

Дверь жилища, предоставлявшая возможность перехода из внешнего во внутреннее состояние и наоборот, нуждалась в дополнительной апотропейной магии, предохранявшей от вредоносного воздействия потусторонних сил и создававшей условия для сохранения целостности семейного пространства. В поселениях чувашей до настоящего времени сохраняется традиционный метод защиты дома и его обитателей,

закрывающийся в использовании рябиновых ветвей для украшения дверных косяков и ворот. Этот обычай имеет глубокие символические корни, связанные с мифологической и культурной концепцией пространства в жилище. Дверь, окно и дымовое отверстие представляют собой ключевые элементы архитектуры, обладающие многослойной семантикой и выполняющие функции посредников между внутренним, контролируемым семьей пространством и внешним, неконтролируемым миром. Данная символическая структура жилища интегрирует различные аспекты бытия человека, обеспечивая переход из одного состояния в другое, а также возможность наблюдения за происходящим вне непосредственного присутствия индивида. Рябиновые ветви, используемые в качестве декоративного элемента, несут в себе дополнительную семантическую нагрузку, усиливая защитные функции двери и символизируя связь с природными циклами и мифологическими символами (ПМА 2014).

Пол жилища был нижней границей пространства, которое в процессе строительства человеком сначала было воссоздано, а затем подлежало доместикации. Пол разграничивал занимаемый для проживания дом и его подполье, в котором, как полагали, обитают злые духи. Чуваши верили, что там пребывали духи *Ийе* и *Шуйттан*. Вовремя не проведенные обрядовые действия могли привести к несчастьям, поэтому строго соблюдались все традиции, связанные и с порогом дома.

Пространственная организация жилища, формируемая посредством углов, позволяла эффективно сегментировать его на зоны, предназначенные для домочадцев и гостей, хозяйственные и парадные области, а также на женские и мужские сферы. Передний угол не только объединял домочадцев и более широкий круг родственников, он и был наиболее безопасен. Этому месту чуваши доверяли сакральные предметы, что демонстрировало исключительное положение угла *кёреке* в контексте доместикации домашнего пространства.

Заключение

Таким образом, доместикация пространства является многогранной и междисциплинарной категорией, которая охватывает как физическое, так и символическое освоение окружающей среды. Доместикация пространства является важным элементом формирования культурной идентичности и мировоззрения. Она позволяет человеку не только создавать удобные условия для жизни, но и осмысливать своё место в мире, устанавливая границы между освоенным и неосвоенным. Доместичирированное пространство (поселения, жилища, хозяйственные и культово-ритуальные постройки и другие локусы) у чувашей представляет собой использование человеком ландшафта и объектов в повседневной жизни, что сопровождается формированием сакрального пространства, отражая сложное взаимодействие человека с окружающей средой. Этот процесс приводит к духовному пониманию мира и адаптации к локальным условиям, включая особенности ландшафта, взаимодействие с другими этническими группами и административными структурами. Доместичирированное пространство включает освоенные и созданные объекты и расширяется по мере обживания и постоянно используется в повседневной жизни. Это пространство не статично, а динамично: его границы могут ситуативно расширяться и сужаться в зависимости от хозяйственной деятельности и обрядового цикла, что демонстрируется на примере традиционной культуры чувашей.

В свете современной научной дискуссии понятие «доместикация» приобретает ещё более широкое толкование, распространяясь на социокультурные и техноло-

гические аспекты жизни. Концепт доместицированного пространства служит эффективным аналитическим инструментом для изучения традиционной культуры, системы адаптации человека к окружающей среде и механизмов формирования культурной идентичности. Он позволяет понять, как через организацию повседневного пространства воспроизводятся социальные нормы, религиозные представления и коллективные практики. Перспективы дальнейшего исследования видятся в сравнительно-сопоставительном анализе моделей доместикации пространства у разных народов, и в возможности применения данного концепта к изучению современных урбанизированных сред, где процессы символического «приручения» и освоения пространства продолжаются, приобретая новые формы.

Источники и материалы

Оформление границ 2025 — Оформление границ пространства [электронный ресурс] // Зырянский домострой [сайт]. <https://zb.syktso.ru/design.php?view=167&mmenu=1> (дата обращения: 22.08.2025).

ПМА 2013 — Материалы полевых исследований В. В. Медведева. Сведения от информантов — жителей с. Бишкаин, д. Куезбашево, с. Месели, с. Наумкино, д. Ташлыкуль, с. Толбазы, д. Утаркуль, с. Чуваши-Карамалы Аургазинского р-на Республики Башкортостан; с. Ивано-Кувалат Зилаирского р-на Республики Башкортостан; п. Полетаево, с. Чипышево Сосновского р-на Челябинской области.

ПМА 2014 — Материалы полевых исследований В. В. Медведева. Сведения от информантов — жителей с. Клементейкино, с. Новое Суркино, с. Старое Суркино Альметьевского р-на Республики Татарстан; с. Новое Сережкино Лениногорского р-на Республики Татарстан; с. Новое Ильмово Черемшанского р-на Республики Татарстан; с. Рысайкино Похвистневского р-на Самарской области; с. Девлезеркино, с. Чувашское Урметьево Челно-Вершинского р-на Самарской области; с. Старое Афонькино Шенталинского р-на Самарской области.

ПМА 2018 — Материалы полевых исследований В. В. Медведева. Сведения от информантов — жителей с. Манеево, д. Юламаново Аургазинского р-на Республики Башкортостан; с. Сихонкино, с. Суук-Чишма Кармаскалинского района Республики Башкортостан.

Научная литература

Богданов К. А. От составителя // Новое литературное обозрение. 2017. № 1 (143). С. 202–203.

Богданов К. А. Предисловие // Новое литературное обозрение. 2015. № 2 (132). С. 12–14.

Бородин П. М. Доместикация и цивилизация (к 85-летию со дня рождения академика Д. К. Беляева) // Информационный вестник ВОГиС. 2003. Т. 7. № 21–22. <http://old.absentis.org/nk/domestic.htm>

Головинёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.

Казакова А. Ю. Идея дома в теориях доместикации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. 2023. № 4. С. 33–63. <https://doi.org/10.31249/rsoc/2023.04.03>

Козырьков В. П. Направления и формы доместикации современного общества // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2010. № 1 (17). С. 20–26.

Мильков Ф. Н. Человек и ландшафты: очерки антропогенного ландшафтоведения. М.: Мысль, 1973. 224 с.

Орлов П. А. Вещный мир удмуртов (к семантике материальной культуры). Дисс. канд. ист. наук. Ижевск, 1999. 215 с.

- Резник Ю. М. (отв. ред.). Социокультурная антропология: история, теория и методология: энциклопедический словарь. М.: Академический проект, Культура; Киров: Константа, 2012. 1000 с.
- Содномпилова М. М. Пространство в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Автореф. дис. докт. ист. наук. Улан-Удэ, 2011. 50 с.
- Степанова О. Б. Антропогенный ландшафт бассейнов Таза и Турухана в XVII–XIX вв.: история vs теория // Человек и Север: антропология, археология, экология. Материалы Всероссийской научной конференции «Человек и Север: антропология, археология, экология». Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018а. С. 422–425.
- Степанова О. Б. К истории антропогенного ландшафта бассейнов Таза и Турухана (XVII — начало XX в.) // Кунсткамера. 2018б. № 1. С. 16–28.
- Теребихин Н. М. Концепты «дикое» («природа») и «домашнее» («культура») в мифопоэтической экотеологии этнических и локальных сообществ Русской Арктики // Религия, наука и теология: вызовы и проблемы современности: сб. науч. докл. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2023. Т. 38. С. 290–309.
- Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры // Советская этнография. 1970. № 4. С. 3–17.
- Томилов Н. А. Этническая экология, экологическая история и области природно-средовой культуры // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 2 (10). С. 88–93.
- Топоров В. Н. Пространство // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2: К — Я. М.: Совет. энциклопедия, 1988. С. 340–342.
- Тюхтенева С. П. Имущество и собственность у алтайцев: представления и современные практики // Монголоведение. 2011. № 5. С. 109–125.
- Фишман О. М. Проблемная выставка «Человек и среда его обитания: поселение и жилище народов Восточно-Европейского региона XX в.» (подход, цели, задачи и структура) // Советская этнография. 1989. № 3. С. 147–151.
- Хачатрян (Капышкина) С. Ю. Некоторые аспекты доместикации пространства в контексте обрядов казачьего населения Кубани // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры. Краснодар, Тип. Администрации Краснодарского края, 2002. С. 194–211.
- Чудова Т. И., Чудов С. И. Традиционная архитектура коми (зырян): доместикация пространства. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 2013. 156 с.
- Шишкин-мл. М. Возвращение домой к богу: к истории одомашнивания загробной жизни // Новое литературное обозрение. 2017. № 1 (143). С. 204–214.
- Alexander C. The Garden as Occasional Domestic Space // The Domestic Space Reader / ed. by C. Briganti, K. Mezei. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2012. P. 268–272.
- Briganti C., Mezei K. (eds.). The Domestic Space Reader. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2012. 422 p.
- Cieraad I. «Out of My Kitchen!»: Architecture, Gender and Domestic Efficiency // The Domestic Space Reader. Toronto; Buffalo; London: Univ. of Toronto Press, 2012. P. 236–237.
- Corbin A. Domestic Atmospheres // The Domestic Space Reader. Toronto; Buffalo; London: Univ. of Toronto Press, 2012. P. 105–107.
- Leroi-Gourhan A. Le geste et la parole: la mémoire et les rythmes. Paris: Albin Michel, 1964–1965. 285 p.
- Thompson W. Domestic Spaces in Children's Fantasy Literature // The Domestic Space Reader / ed. by C. Briganti, K. Mezei. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2012. P. 367–370.
- Verschaffel B. The Meaning of Domesticity // The Domestic Space Reader / ed. by C. Briganti, K. Mezei. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2012. P. 153–156.

References

- Alexander, C. 2012. The Garden as Occasional Domestic Space. In *The Domestic Space Reader*, ed. by C. Briganti, K. Mezei. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press. 268–272.
- Bogdanov, K. A. 2015. Predislovie [Preface]. *Novoe literaturnoe obozrenie* 2 (132): 12–14.
- Bogdanov, K. A. 2017. Ot sostavitelia [From the Author]. *Novoe literaturnoe obozrenie* 1 (143): 202–203.
- Borodin, P. M. 2003. Domestikatsiia i tsivilizatsiia (k 85-letiiu so dnia rozhdeniia akademika D. K. Belyaeva) [Domestication and Civilization (on the 85th Anniversary of the Birth of Academician D. K. Belyaev)]. *Informatsionnyi vestnik VOGiS* 7. 21–22. <http://old.absentis.org/nk/domestic.htm>
- Briganti, C., and K. Mezei (eds.). 2012. *The Domestic Space Reader*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press. 422 p.
- Cieraad, I. 2012. «Out of My Kitchen!»: Architecture, Gender and Domestic Efficiency. In *The Domestic Space Reader*, ed. by C. Briganti, K. Mezei. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press. 236–237.
- Corbin, A. 2012. Domestic Atmospheres. In *The Domestic Space Reader*, ed. by C. Briganti, K. Mezei. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press. 105–107.
- Fishman, O. M. 1989. Problemaia vystavka «Chelovek i sreda ego obitaniia: poselenie i zhilishche narodov Vostochno-Evropeiskogo regiona XX v.» (podkhod, tseli, zadachi i struktura) [Problematic Exhibition “Man and His Habitat: Settlement and Housing of the Peoples of the Eastern European Region of the 20th Century” (Approach, Goals, Objectives and Structure)]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 147–151.
- Golovnev, A. V. 1995. *Govoriashchie kul'tury: traditsii samodiitsev i ugrov* [Speaking Cultures: Traditions of the Samoyedic peoples and Ugrians]. Ekaterinburg: UrO RAN. 606 p.
- Kazakova, A. Yu. 2023. Ideia doma v teoriakh domestikatsii [The Idea of Home in Domestication Theories]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Ser. 11: Sotsiologiia* 4: 33–63. <https://doi.org/10.31249/rsoc/2023.04.03>
- Khachatrian (Kapyshkina), S. Yu. 2002. Nekotorye aspekty domestikatsii prostranstva v kontekste obriadov kazach'ego naseleniia Kubani [Some Aspects of Domestication of Space in the Context of Rituals of the Cossack Population of Kuban]. In *Osvoenie Kubani kazachestvom: voprosy istorii i kul'tury* [The Development of Kuban by the Cossacks: Issues of History and Culture], ed. by O. V. Matveev. Krasnodar: Tipografiia Administratsii Krasnodarskogo kraia. 194–211.
- Kozyrkov, V. P. 2010. Napravleniia i formy domestikatsii sovremennogo obshchestva [Directions and Forms of Domestication of Modern Society]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya Sotsial'nye nauki* 1 (17): 20–26.
- Leroi-Gourhan, A. 1965. *Le geste et la parole: la mémoire et les rythmes* [Gesture and Speech: Memory and Rhythms]. Paris: Albin Michel. 285 p.
- Milkov, F. N. 1973. *Chelovek i landshafty: ocherki antropogenno landshaftovedeniia* [Man and Landscapes: Essays on Anthropogenic Landscape Studies]. Moscow: Mysl'. 224 p.
- Orlov, P. A. 1999. *Veshchnyi mir udmurtov (k semantike material'noi kul'tury)* [The Material World of the Udmurts (Towards the Semantics of Material Culture)]. Ph.D. diss., Izhevsk. 215 p.
- Reznik, Yu. M. (ed.). 2012. *Sotsiokul'turnaia antropologiia: istoriia, teoriia i metodologiia: entsiklopedicheskii slovar'* [Sociocultural Anthropology: History, Theory and Methodology: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Akademicheskii proekt. Kul'tura; Kirov: Konstanta. 1000 p.
- Sodnompilova, M. M. 2011. *Prostranstvo v traditsionnom mirovozzrenii i prakticheskoi deiatel'nosti mongol'skikh narodov* [Space in the Traditional Worldview and Practical Activities of the Mongolian People]. Ph.D. diss. abstract, Ulan-Ude. 50 p.
- Stepanova, O. B. 2018a. Antropogennyi landshaft basseinov Taza i Turukhana v XVII–XIX vv.: istoriia vs teoriia [Anthropogenic Landscape of the Taz and Turukhan Basins in the 17th–19th Centuries: History Vs. Theory]. In *Chelovek i Sever: antropologiia, arkeologiia, ekologiia. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Man and the North: Anthropology, Archeology, Ecology. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference]. Tiumen': FITs TiumNTs SO RAN. 422–425.

- Stepanova, O. B. 2018b. K istorii antropogennogo landshafta basseinov Taza i Turukhana (XVII — nachalo XX v.) [On the History of the Anthropogenic Landscape of the Taz and Turukhan Basins (17th — early 20th Centuries)]. *Kunstkamera* 1: 16–28.
- Terebikhin, N. M. 2023. Kontsepty «dikoe» («priroda») i «domashnee» («kul'tura») v mifopoeticheskoi ekoteologii etnicheskikh i lokal'nykh soobshchestv Russkoi Arktiki [The Concepts of “Wild” (“Nature”) and “Domestic” (“Culture”) in the Mythopoetic Ecotheology of Ethnic and Local Communities of the Russian Arctic]. In *Religiia, nauka i teologiya: vyzovy i problemy sovremenosti: sbornik nauchnih dokladov* [Religion, Science and Theology: Challenges and Problems of Our Time: Collection of Scientific Reports]. Vladimir: Izdatel'stvo VIGU. Vol. 38. 290–309.
- Thompson, W. 2012. Domestic Spaces in Children's Fantasy Literature. In *The Domestic Space Reader*, ed. by C. Briganti, K. Mezei. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press. 367–370.
- Tiukhteneva, S. P. 2011. Imushchestvo i sobstvennost' u altaitsev: predstavleniia i sovremennye praktiki [Property and Ownership among the Altai People: Ideas and Modern Practices]. *Mon-golovedenie* 5: 109–125.
- Tokarev, S. A. 1970. K metodike etnograficheskogo izucheniia material'noi kul'tury [Towards a Methodology of Ethnographic Study of Material Culture]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 3–17.
- Tomilov, N. A. 2016. Etnicheskaiia ekologiya, ekologicheskaiia istoriia i oblasti prirodno-sredovoi kul'tury [Ethnic Ecology, Ecological History and Areas of Natural-Environmental Culture]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriia «Istoricheskie nauki»* 2 (10): 88–93.
- Toporov, V. N. 1988. Prostranstvo [The Space]. In *Mify narodov mira. Entsiklopediia* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia] Vol. 2: K — Ya. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia. 340–342.
- Verschaffel, B. 2012. The Meaning of Domesticity. In *The Domestic Space Reader*, ed. by C. Briganti, K. Mezei. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press. 153–156.